

Владимир НАПОЛЬСКИХ (Ижевск)

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ИДЕОЛОГИЯ

(пути панфинно-угризма в Финляндии и Удмуртии)

1. Панфинно-угризм развился во второй половине XIX – начале XX в. на базе теории родства финно-угорских языков как составляющая финского национализма. Для представителей классического финского финно-угроведения (Э.Н.Сетяля и др.) теория финно-угорского родства имела поэтому не только научную, но и идеологическую ценность. В языковом плане это выражалось в использовании соответствующей терминологии, например, в «просветительской» практике вместо принятого в научной речи наименования *suomalais-ugrilaiset kansat* ‘финно-угорские народы’ употреблялось *suomensukuiset kansat* ‘народы финского (точнее «финляндского») рода’. Такой двойственный подход отражён и в финской историографии проблемы прародины финно-угров: языковые данные однозначно указывают на её восточную локализацию (Западная Сибирь и Урал), но с идеологической точки зрения финским исследователям никак нельзя было согласиться с выводом о позднем появлении финской речи на Балтике. Поэтому сочинения большинства из них по данной проблеме до 70-х гг. XX в. представляли собой зачастую разного рода компромиссы между научными фактами и идеологическими интенциями. В терминологическом плане см., например у Э.Итконена предложение замены понятия прародины, *Urheimat* — как восстанавливаемого по лингвистическим данным ареала распространения праязыка (на востоке) — на *Wandergebiet*, район «кочевий» прафинно-угров от Урала до Балтики, что давало возможность считать неолитических жителей Финляндии прямыми языковыми предками финнов.

2. В конце XX в., в связи с отсутствием необходимости доказывать национальную состоятельность финнов путём апелляции к древним корням и широким евразийским связям языка, в связи с экономической и культурной переориентацией со скандинавского изоляционизма на интеграцию в западноевропейское сообщество и т.д., потребность в панфинно-угризме как составляющей национальной финской идеологии практически отпала. Для финно-угроведения это было бы полезным в плане очищения науки от идеологической зашоренности. На деле, однако, идеология победила науку, что привело к кризису традиционного финно-угроведения в Финляндии (в середине 1990-х гг. доходило до разговоров о закрытии кафедры финно-угроведения Хельсинкского университета). «Поворот на запад» в идеологии привёл в науку, например, к тому, что даже упомянутые компромиссные гипотезы финно-угорской прародины представляются большинству нынешних финских исследователей неуместными, говорить о восточных корнях финского языка стало по крайней мере немодным, и большинство современных исследователей воспринимают более чем столетний научный багаж исторического финно-угроведения как нечто безнадежно устаревшее и не выдерживающее проверки современными «новейшими» подходами. Суть этих подходов сводится к отказу от методов сравнительно-исторического языкознания и исторического исследования вообще, а пафос выражен в названии одного из сборников трудов данного новейшего направления: *Itämerensuomi – eurooppalainen maa* ‘Страна прибалтийских финнов – европейская земля’. В докладе эти положения рассматриваются также на других примерах.

3. Панфинно-угризм распространился в идеологии удмуртских националистов 20-30 гг. XX в. (Кузубай Герд и др.), и родство финно-угорских языков служило для демонстрации возможности культурного развития по примеру «родственных» народов. Стремление следовать примеру «старших братьев» выражалось, например, в том, что при создании научной терминологии на удмуртском языке Кузубай Герд такие слова как *этимология*, *этнография* и др. калькировал не по греческому (=

русскому для него) оригиналу, а по их финским соответствиям (*sanaoppi* — удм. *кылэз тодон*, *kansatiede* — удм. *калыктодон* и т.д.). С физическим уничтожением в 30-е гг. первого поколения удмуртской интеллигенции, одним из формальных оснований для которого стали именно финно-угорские контакты репрессированных, панфинно-угризм оказался практически ликвидирован в Удмуртии.

4. В конце XX в. панфинно-угризм в идеологии удмуртской национальной интеллигенции вновь занял одно из важнейших мест. Идея языкового родства активно эксплуатируется практически также, как это было в Финляндии в конце XIX- начале XX в. Это обстоятельство отражается и в языке. Например, в учебном пособии по удмуртскому языку (Б.Ш.Загуляева, А.Е.Решетникова. Дуно эше. Ижевск, 1997) фигурируют персонажи: Ханна Югрова (?!) из Ханты-Мансийска, эстонцы Реэт и Эло, венгры Иштван и Агнеш и удмуртская девушка с нарочито-национальным именем Дыдык (удм. 'голубь'), собравшиеся в Ижевске на финно-угорском молодёжном конгрессе. В докладе рассматриваются и другие примеры проявления панфинно-угризма в языковой и культурной жизни сегодняшней Удмуртии в сравнении с другими финно-угорскими регионами России.

Опубликовано: Сравнительно-историческое языкознание и идеология: пути панфинно-угризма в Финляндии и Удмуртии // *Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы. Тезисы докладов международной конференции.* Москва, 2001. С. 122–124.

Поступило: 7 августа 2007 г.
Опубликовано: 11 августа 2007 г.